

С. Х. Шомахмадов

Некоторые наблюдения над текстом неатрибутированной аваданы из коллекции Н. Ф. Петровского

В отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (правопреемника Азиатского музея), хранится в составе коллекции Н. Ф. Петровского под шифром SI 2085 рукопись, доставленная из Хотана и до сих пор не обретшая окончательной буддологической атрибуции. Под руководством М. И. Воробьевой-Десятовской я работаю над изучением этого текста и хочу поделиться с коллегами своими наблюдениями.

Рукопись выполнена на светло-коричневой плотной центральноазиатской бумаге, текст нанесен черной тушью с двух сторон по пять строк с каждой. Почерк — уставный, письмо — вертикальный центральноазиатский брахми, язык — санскрит. На обратной стороне первого листа имеются шесть строк скорописного брахми плохой сохранности.

По характеристикам бумаги и палеографии рукопись можно датировать V—VII вв. Текст неполный: имеется начало произведения, о чем свидетельствует наличие вводного слова ‘сиддхам’, открывающего многие центральноазиатские рукописи, но название не сохранилось.

Впервые факсимиле рукописи, транслитерация и перевод текста, условно атрибутированного как «Авадана о ганди», были опубликованы во втором выпуске «Письменных памятников индийской письменности из Центральной Азии»¹. В предисловии к изданию сказано, что С. Ф. Ольденбург, просмотрев рукопись, написал на оборточной бумаге манускрипта: «Авадана или джатака о ганди».

Содержание рукописи сводится к следующему. Прибыв в город Шравасты, Бхагаван Будда Шакьямуни направился к дому девушки-прачки, которая, однако, по причине своей крайней бедности не могла достойно принять столь дорогого гостя. Она впала в состояние горестного иступления и, схватив нож, хотела покончить жизнь самоубийством. Но в тот же миг ей явилось божество, которое и наделило бедную прачку всем необходимым для достойной встречи Шакьямуни — богатой одеждой и роскошным угощением.

Оказав гостю подобающий прием, девушка спросила Будду о кармических причинах своей бедности. Шакьямуни поведал ей, что нынешнее и все предыдущие рождения в бедности — это следствие недостойного деяния, каким был отказ подать милостыню странствующему монаху. Но отныне, добавил Бхагаван,

¹ Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Выпуск 2 / Издание текстов, исследование, перевод и комментарий Г. М. Бонгард-Левина, М. И. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Тёмкина (Памятники письменности Востока, LXXIII, 2; Bibliotheca Buddhica, XXXIV). М., 1990.

ее пребывание в бедности заканчивается: она умрет через шесть дней и затем обретет новое рождение в благородной семье правителя Магадхи — Аджитасены.

Вернувшись к своим ученикам, Будда преподал им проповедь о звуках гонга, которые отныне должны всегда напоминать об этом случае.

По прошествии шести дней девушка-прачка умерла. А когда настало время ее нового рождения в семье правителя Магадхи, туда направился ученик Будды — Нандимитра. Он погрузился в глубокое созерцание и в этом состоянии продемонстрировал Аджитасене сверхъестественные (риддхические) способности, именуемые ‘викирина’ («разделение»), расчленив собственное тело, но оставаясь при этом живым. Поразившись увиденным, Аджитасена решил сделаться последователем Будды, передал бразды правления старшему сыну и удалился от дел.

На этом текст рукописи обрывается.

Существует ряд трудов, где рукопись SI P/63 (SI 2085) атрибутирована как «Аджитасена-вьякарана-нирдеша-нама-махаяна-сутра»² (далее — «Аджитасена-вьякарана»)³, относящаяся к раннемахаянским текстам. Аргументы в пользу такой атрибуции представлены под сайте Гёттингенского университета — GRETIL (Göttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages and related Indological materials from Central and Southeast Asia), где та же рукопись идентифицирована японским буддологом Ф. Еномото как «Аджитасена-вьякарана»⁴.

В «Аджитасена-вьякаране» воспроизводится сюжет о прачке, но Шакьямуни предсказывает ей обретение состояния будды (*buddhava*). Сутра характеризуется соединением идей стхавиравады (идеал архатства — достижения личной нирваны) и махаяны (возможность обретения окончательного освобождения женщиной). Это и позволяет рассматривать «Аджитасена-вьякарану» как «протомахаянскую» сутру, то есть произведение, принадлежащее традиции школы махасангхика⁵.

Хотанская рукопись «Аджитасена-вьякарана» из коллекции Н. Ф. Петровского уникальна во многих отношениях. В частности, на оборотной стороне первого листа начертана защитительная формула — дхарани. К сожалению, она

² См.: Schopen G. *Figments and Fragments of Mahāyāna Buddhism in India: more collected papers*. Hawai'i: University of Hawai'i Press, 2005, p. 184.

³ «Аджитасена-вьякарана», записанная на центральноазиатском брахми, была найдена в Гилгите примерно в то же время, что и рукопись из коллекции Н.Ф. Петровского — в конце XIX в.

⁴ *Ajitasenavyakarana*. Based on the ed. by N. Dutt in // *Gilgit Manuscripts*, vol. I, Srinagar, 1939, p. 103–136. 2nd ed. Delhi, 1984. // GRETIL — Göttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages and related Indological materials from Central and Southeast Asia. URL: http://www.sub.uni-goettingen.de/ebene_1/fiindolo/gretil/1_sanskrt/4_rellit/buddh/ajitsvyr.txt (дата обращения: 15.06.2010).

⁵ См.: Williams P. *Mahāyāna Buddhism: the doctrinal foundation*. London, 1989, p. 26–33.

плохо сохранилась, что весьма затрудняет прочтение. Предположительно, зачин дхарани располагался в нижней части лицевой стороны первого листа, но ввиду того, что края рукописи повреждены, доказательно установить это не представляется возможным.

Отмечу, что в гилгитской «Аджитасена-вьякаране» сюжет о бедной девушке-прачке, пожелавшей свести счеты с жизнью из-за невозможности оказать достойное гостеприимство Шакьямуни, воспроизводится, но вариативно. Учитель Дхармы предсказывает, что в новом рождении она обретет «буддство», то есть свойство принадлежности к духовному семейству (готре) будд и Бодхисаттв. На этом основании исследователи атрибутируют «Аджитасена-вьякарану» как протомахаянскую сутру, то есть как произведение, созданное в традиции школы махасангика⁶. Мне, однако, представляется, что данный текст следовало бы скорее связывать с мировоззренческими влияниями гилгитской редакции «Лотосовой сутры», в которой проводится идея «буддства» как пути, потенциально открытого для каждого человеческого существа. А в хотанской рукописи из коллекции Н. Ф. Петровского эта идея не прослеживается.

Зададимся вопросом — почему С. Ф. Ольденбург, открыватель и глубокий знаток многих буддийских текстов из Центральной Азии, отождествил хотанскую рукопись из коллекции Н. Ф. Петровского в жанровом отношении как буддийскую авадану, т.е. повествование о достойных деяниях добродетельных буддистов? Для ответа на него необходимо, думается, рассмотреть, во-первых, термины, которыми обозначается в хотанской и гилгитской рукописи центральный персонаж нарратива — девушка-прачка. В обоих текстах используются для этого два термина: “*nagaravalāmbika dārika*” и “*nagarabalaṃbika dārika*”, что исключает возможность ошибки переписчика. Термин “*valāmbika*” указывает на ремесло девушки-горожанки — «прачка». А термин “*balaṃbika*” имеет в своей словарной лексикографии семантику «та, которой поклоняются как матери». В этой связи следует подчеркнуть, что в буддийской канонической концепции архатства, раскрытой, в частности, в четвертом разделе «Абхидхармакоши» Васубандху — «Учение о карме» («Карма-нирдеша»), именно *архату*, то есть женщина или девушка, вступившая в прижизненную нирвану, квалифицируется в качестве «достойной поклонения как мать». Исходя из этого, можно утверждать, что городская девушка-прачка предстает и в хотанском, и в гилгитском повествованиях именно тем персонажем, который совершает героическое деяние во имя веры и обретает тем самым благу карму.

Во-вторых, задумаемся, в чем же именно состоит это героическое деяние бедной девушки-прачки? Только в одном — она была готова поразить себя ножом, чтобы прекратить собственное столь жалкое существование, что крайняя бедность не позволяла ей оказать Шакьямуни должный прием. В тот момент

⁶ См.: Williams P. Mahayana Buddhism: the doctrinal foundation. London, 1989, p. 26–23.

девушка-прачка полностью отрешилась от привязанности к миру и жизни, которую она оказалось готовой бросить, подобно дару, к ногам Будды.

Иными словами, героиня повествования одновременно уподобилась и архати, свободной от мирских пут, и Бодхисаттве, практикующему парамиту «запредельная щедрость». И именно поэтому Будда пожелал, чтобы звук гонга напоминал людям об этом героическом деянии.

Таким образом, текст хотанской рукописи из коллекции Н. Ф. Петровского был вполне обоснованно атрибутирован С. Ф. Ольденбургом как принадлежащий к жанру «авадана». Предположительно можно говорить и о том, что «Авадана о ганди» является каноническим произведением, входившим в состав Виная-питаки как дидактический образец соблюдения религиозной дисциплины — почитания Учителя. Таковы результаты моих первичных наблюдений над текстом, осуществленных в процессе его транслитерирования.